

ВСПОМИНАЮ, в январе 1928 года Владимир Владимирович Маяковский приехал в Казань, совершая турне по городам Советского Союза.

Накануне его приезда на улицах города появились большого размера афиши в одну полоску, на которых было написано лишь одно слово: «МАЯКОВСКИЙ».

Многие из нас, студентов рабочего факультета Казанского университета, хорошо знали его творчество, некоторые посещали литературный кружок при рабфаке, увлекались его стихами, и поэтому появление на улицах города афиш с полуметровыми буквами нас чрезвычайно обрадовало.

На другой день на улицах появились новые афиши: «Идем путешествовать!». В этих афишах подробно сообщалось, что сегодня в оперном театре состоится вечер поэта Маяковского, где он поделится своими впечатлениями о путешествии в Соединенные Штаты Америки, прочтет свои «американские» стихи и поэму «Хорошо!».

Попытки достать билеты на его вечер не увенчались успехом: билеты были быстро распроданы. Как же быть? Тогда литкружковцы решили направить одного студента и меня в качестве «ходоков» к Маяковскому.

С глубоким волнением направившись мы в гостиницу «Казанское подворье». Подымаемся по лестнице на второй этаж, останавливаемся у низкой двери пятого номера, стучимся. Из глубины комнаты раздается громкоподобный голос:

— Мо-о-ожно!

И вот сидит он спиной к нам, широкоплечий; светло-серый пиджак висит на спинке стула. На столе стоит небольшое овальное зеркало, в нем отражается его намыленная левая щека.

Маяковский в Казани

Посматривая в зеркало и продолжая бриться, Маяковский спрашивает тем же громким голосом:

— Студенты?

Мы киваем утвердительно, извиняемся и кладем на стол бумажку, где написана просьба разрешить членам литкружка 10 билетов.

— Поэты, должно быть... За стихи еще не платят? — говорит он шуточно. И нам становится как-то легче, исчезает волнение перед этим громадным человеком и поэтом.

Маяковский продолжает бриться и шутит.

— Товарищ Маяковский, — говорим ему, осмелев, — мы не только пишем стихи, но и переводим ваши вещи.

— Прекрасно! — восклицает Маяковский и, кончив бриться, встает со стула, отходит к умывальнику, спрашивая:

— На какой язык?

— На марийский, — говорю я.

— Послушаем, послушаем! — весело усмеивается Маяковский, вытирая лицо полотенцем.

Я прочел «Левый марш» с большим подъемом, стараясь передать всю силу стиха и довести его до автора в полнозвонном звучании на не понятном ему языке. Маяковский, опершись о стол, строго посматривал сверкающими глазами.

А когда я кончил читать, он протянул мне руку, сказав:

— Ну что ж, хорошо! Продолжайте переводить. — И улыбнулся. — А билеты я вам разрешу бесплатные.

И, взяв со стола карандаш, в углу нашей бумажки написал: «Разрешаю пропустить бесплатно. Вл. Маяковский». Провожая нас, Маяковский говорил:

— Заходите, не стесняйтесь. Я у вас в городе еще поживу.

В один из жарких июльских дней того же года я купил в киоске номер газеты «Комсомольская правда», где было напечатано стихотворение Маяковского «Казань».

Я в языках не очень натаскан — что норвежским, что шведским маж. Входит татарин:

«Я на татарском вам прочитаю «Левый марш». Входит второй.

Косой в скуле. И говорит, в карманах порыскав: «Я — мариец. Твой — левый, дай тебе прочту по-марийски»...

Стихотворение это теперь стало очень популярным, оно отражает нерушимую дружбу между народами. И только такой поэт, как Маяковский, мог эту тему разрешить тогда в поэзии в такой обобщающей формуле под впечатлением личных встреч с представителями народов Поволжья. А вот штрих из более раннего периода.

Известный татарский поэт Адель Кутуй, которого я близко знал, умер в 1945 году от тяжелых ран в берлинском госпитале. Он вспоминал: «Завязалась оживленная беседа. В разговоре один из товарищей указал на меня:

— Вот он ваш «Левый марш» перевел на татарский язык.

Лицо Маяковского оживилось:

— А как получилось в переводе? — обратился он ко мне.

Я протянул ему вышедший только что из печати первый сборник стихов «Кюнляр Йогергендя» («В беге дней») и указал на перевод «Левый марша».

Он взял книгу, внимательно посмотрел на раздробленные строки стиха, потом сказал:

— К сожалению, по-татарски я ничего не понимаю. Прочитайте, а мы слушаем.

Когда Маяковский сказал «прочитайте» — пропала моя робость. Не утаю, было желание, чтобы первый опыт понравился взыскательному поэту. И я на память громко прочитал:

— Марш эчендя кочлые эйланегез!

— Звучит хорошо, — сказал Маяковский, пожимая мне руку, когда я кончил читать».

Эти воспоминания А. Кутуя относятся к 1925 году.

Кто приходил к Маяковскому из молодых чувашских поэтов, мне точно не известно. Возможно, это Педер Хузангай — ныне народный поэт Чувашии, который свою юность провел в Казани, а позже выпустил на чувашском языке свой перевод поэмы В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин».

Мы, молодые национальные поэты, журналисты Поволжья, после окончания средних и высших учебных заведений в Казани активно стали работать в Московском центральном издательстве народов СССР (в Центриздате), где издавались в те

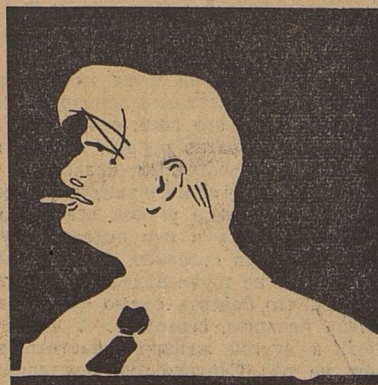

Рис. Н. Байбурина

годы журналы, газеты и книги на многочисленных языках народов Советского Союза.

Мы тогда были еще очень молоды и горячо спорили о путях развития своих национальных литератур. Вспоминая, в этих спорах и живых беседах всегда активно участвовал Муса Джалиль.

Для нас, молодых национальных литераторов, общим знаменем была вдохновляющая и зовущая вперед поэзия В. Маяковского, мы ее очень любили, учились у нее и переводили на свои языки.

И сейчас, работая над переводами произведений В. Маяковского и стихов братских поэтов, всегда чувствую близость моих друзей по перу, творящих на татарском, чувашском и удмуртском языках. Дружба с ними вдохновляет меня на творчество.

Александр ТОК

ИОШКАР-ОЛА

Маяковский и мы, 1962, 28 мая